

Анализ дыхания в цикле «колымские рассказы» Варлама Шаламова

Marača, Ema

Master's thesis / Diplomski rad

2024

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:038719>

Rights / Prava: [In copyright](#) / [Zaštićeno autorskim pravom.](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2024-10-06**

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
University of Zagreb
Faculty of Humanities
and Social Sciences

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti
Katedra za rusku književnost

Diplomski rad
**АНАЛИЗ ДЫХАНИЯ В ЦИКЛЕ
«КОЛЫМСКИЕ РАССКАЗЫ» ВАРЛАМА ШАЛАМОВА**

studentica: Ema Marača
mentorica: dr. sc. Danijela Lugarić Vukas
ak. god.: 2023./2024.
U Zagrebu, 13. 9. 2024.

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti
Katedra za rusku književnost

Diplomski rad
**ANALYSIS OF BREATH IN
«KOLYMA STORIES» BY VARLAM SHALAMOV**

studentica: Ema Marača
mentorica: dr. sc. Danijela Lugarić Vukas
ak. god.: 2023./2024.
U Zagrebu, 13. 9. 2024.

Введение	1
Дыхание: постоянное взаимодействие с миром	2
Как подышать чистым воздухом на Колыме	4
Болезнь как дар жизни: искажение ценностей в лагерях	9
«Первый зуб» – история, созданная дыханием	12
Курение в «Колымских рассказах»	17
Колыма как место последнего дыхания	22
Заключение	29
Литература	29
Sažetak	32
Ključne riječi	32
Ключевые слова	32
Kratki životopis	33

Заклученный на Колыме, 1940-е (Федянина 2022)

Введение

«Колымские рассказы» – цикл рассказов русского писателя Варлама Шаламова, в которых тематизируется жизнь каторжных в лагерях принудительного труда, в Колымских шахтах. Цикл рассказов основывается на автобиографическом опыте автора, поскольку Шаламов в лагерях провел шестнадцать лет своей жизни, причем тринадцать на Колыме. Его произведения одновременно служат и произведениями искусства, и исповедью о времени, которое не должно быть забытым. Сам он свой стиль письма описал следующим способом: «Каждый мой рассказ – это абсолютная достоверность. Это достоверность документа. (...) При абсолютно достоверной документальности каждого моего рассказа я всегда имел в виду, что для художника, для автора самое главное – это возможность высказаться – дать свободный мозг тому потоку» (Шаламов 1971). Поэтому его стиль, соединяющий автобиографические элементы и выдумку, в литературоведении часто описывается как документальная литература.

Дыхание – постоянный элемент в «Колымских рассказах». Оно появляется во многих рассказах и в разных формах: как пар от дыхания на холоде, как акт курения, как последний вздох умирающего человека, или как буквальное дыхание. Основная задача этой дипломной работы – перечислить, представить и проанализировать некоторые

виды проявления дыхания в сборнике Шаламова, также определить, как оно влияет на общее значение выбранных текстов и что символизирует.

Дыхание: постоянное взаимодействие с миром

В самом основном смысле дыхание – это «вбирание и выпускание воздуха лёгкими или (у некоторых животных) иными соответствующими органами как процесс поглощения кислорода и выделения углекислого газа живыми организмами» (*Грамота, дыхание*). В переносном значении дыхание может означать «проявление признаков жизни»; «веяние, дуновение»; «запах, аромат»; «испарение; жар» (там же). Оно является автономным физиологическим процессом, посредством которого живое тело (человека, животного или растения) получает кислород нужен для выживания. Это было бы формальным определением дыхания как сугубо физиологического процесса. Очевидно, что без дыхания, наш мир невозможен, мы невозможны. Во-первых, дыхание подпитывает нашу жизнь. Оно снабжает нас необходимым кислородом и избавляет от излишков углекислого газа. В биологическом смысле дыхание является основой нашей жизни, поскольку конец дыхания обозначает и конец человеческой жизни. Но в данной работе нас прежде всего интересует дыхание как психологический и философский феномен. Существует ли человеческий мир вне дыхания? Существует ли сознание человека вне дыхания?

Учитывая тот факт, что дыхание является спонтанным, весьма природным актом человеческого тела, в основном оно остается вне нашего сознания. Как доктор медицины и профессор философии Дру Ледер сказал: «Первое, что следует заметить о дыхании – это то, как мы обычно его не замечаем: оно висит на краю, своего рода петля между сознательным и бессознательным (...) Даже когда я пишу на эту тему, мое дыхание протекает тихо, автономно, по большей части как некий подсознательный фон для моей сосредоточенной работы» (Leder 2018: 220). Дыхание является физиологическим процессом, который мы не в силах полностью понять и почувствовать. Хотя мы способны контролировать свое дыхание в исключительных ситуациях, в которых вдох и выдох намеренно и целенаправленно осознаны, в большей степени дыхание – это автономный процесс. Именно по этой причине писать о дыхании очень сложно. Как писать о том, что мы чаще всего не замечаем?

Дыхание дает нам жизнь, но одновременно делает нас ранимыми. Недавняя пандемия ковида напомнила нам, насколько уязвимыми нас делает дыхание. Вирусы, болезни, бактерии, паразиты, раздражители, жидкости, пыль, пыльца – все это может заставить наш организм реагировать, попадая в него через нос, посредством дыхания. Дыхание связывает нас с окружающей средой, по мнению философа Рольфа Элберфельда, который настаивает, что оно «означает, что все мы всегда находимся в отношениях с окружающей средой. Мы вдыхаем то, что нас окружает. (...) То, что мы выдыхаем, смешивается с тем, что находится в нашем организме. (...) Дыхание – это отражение ситуации, в которой мы находимся» (Elberfeld 2018: 69). Философ Хави Карел объясняет процесс дыхания следующим способом: «Легкие – единственное место в организме (кроме кожи), где происходит постоянный обмен внутренней и внешней средой. Мы вдыхаем воздух и содержащиеся в нем вещества, извлекаем необходимый нам кислород и выводим углекислый газ. (...) Таким образом, легкие становятся уязвимыми и открытыми для внешней среды, чего не происходит с другими внутренними органами» (Carel 2018: 234).

На наше дыхание не влияет только окружающая среда, но и наш внутренний мир, который тоже способен воздействовать на наше дыхание. Наши мысли, эмоции, автономные телесные функции и психические состояния способны изменить наше дыхание, поскольку они придают ему ритм, глубину и темп. В том числе Элберфельд приводит несколько интересных примеров: «Если мы слышим музыку, которая действительно трогает нас, наше дыхание меняется. Если у нас проблемы с кровообращением, наше дыхание меняется. Если мы испытываем глубокую печаль или бурную радость, наше дыхание меняется. Если мы интенсивно думаем, наше дыхание также меняется» (Elberfeld 2018: 70). Дыхание не только связывает нас со всем, что нас окружает и что находится вне нас, но и соединяет две стороны нашего существа, наш дух и тело, ментальную и физическую часть. Как настаивает Элберфельд, дыхание – это улица с двусторонним движением: «С одной стороны, дыхание – это непроизвольное и в основном неосознанное действие, необходимое для нашего физического выживания. С другой стороны, дыхание можно сознательно контролировать и культивировать в чрезвычайно разнообразных манерах. Таким образом, дыхание – это спектакль, находящийся между природой и культурой» (там же: 69).

Из-за того, что люди воспринимают дыхание как то, что само собой разумеется, его значения сложно изучать в литературных текстах. Но вполне допустимо искать его во множестве различных форм, которые его подразумевают – или, по крайней мере, в

которых дыхание представлено в более заметном виде, чем просто акт, который обеспечивает жизнь. Осознанность акта дыхания в литературном творчестве проявляется по разным причинам. Поэтому в данной дипломной работе мы рассмотрим дыхание с нескольких точек зрения: дыхание как часть словосочетания и символ природы и здоровья; дыхание как признак болезни; дыхание как элемент сюжета; дыхание как социальное явление (курение); и, наконец, дыхание как признак смерти.

Как подышать чистым воздухом на Колыме

Дыхание, как уже было сказано, непосредственно связывает нас с окружающим миром. Оно приводит нас в непосредственный контакт с явлениями, как полезными, так и вредными для нашего здоровья. В закрытых помещениях мы можем в некоторой степени контролировать качество воздуха; один из способов очистить воздух от болезнетворных микроорганизмов – просто проветрить помещение, открыв окно. Поток свежего воздуха вытеснит старый, затхлый воздух. Или, когда внутри становится слишком душно, можно выйти из помещения, чтобы подышать свежим воздухом. Тем не менее, где находится наиболее чистый и свежий воздух, чем в природе, чем в лесу? Однако, заключенные на Колыме были поставлены в ужасные условия труда и жизни (или, скорее, смерти), и даже природа была не на их стороне: они были отданы на милость сурового климата Колымы. Мало того, что их лишили свободы и заставили заниматься тяжелым трудом, добывая золото и другие руды, так они делали это в одном из самых экстремальных и немилосердных климатов на Земле. Климат Колымы – субарктический, характеризуется очень холодной и суровой зимой и холодным летом. Там очень трудно «подышать свежим воздухом».

Выражение «подышать свежим воздухом» означает «отдохнуть на улице, на природе», на чистом, не затхлом воздухе (*Грамота, свежий*). Это словосочетание является основным мотивом в рассказе «Татарский мулла и чистый воздух». Точнее, оно используется в ироничной, насмешливой манере: идея, что свежий воздух Колымы может оказать благотворное влияние на здоровье человека-заключенного, подвергается тщательному высмеиванию. Эта идея реализуется с самого начала рассказа, который начинается описанием нехватки свежего воздуха в тюремных камерах, где-то вдали от Колымы:

Жара в тюремной камере была такая, что не было видно ни одной мухи. Огромные окна с железными решетками были распахнуты настежь, но это не давало облегчения – раскаленный асфальт двора посылал вверх горячие воздушные волны, и в камере было даже прохладней, чем на улице. Вся одежда была сброшена, и сотня голых тел, пышущих тяжелым влажным жаром, ворочалась, истекая потом, на полу – на нарах было слишком жарко. (Шаламов 2009: 74)

Отсутствие свежего воздуха имеет негативные последствия для жизни заключённых: оно только усиливает потоотделение от жары и неприятные запахи в камерах. В этой жаре, ожидая своей судьбы, заключенный по имени Мулла думает, что ждет его на Колыме. Мулла представлен как мужчина шестидесяти лет, но в хорошей форме, крепкий, живой, жаждущий жизни, причем является интересным, что его энергичность подтверждают его сильные легкие: «Мулла взбегал на пятый этаж без одышки, возвращаясь с прогулки» (там же: 75). Несмотря на свой возраст, он находится в очень хорошей форме; дыхание используется в этом абзаце, как подтверждение хорошего здоровья.

Учитывая свое крепкое здоровье и возраст, Мулла реалистично оценивает свои шансы пережить наказание в тюрьме или в исправительно-трудовых лагерях: «Если дадут больше десяти, (...) то в тюрьме я проживу еще лет двадцать. А если в лагере, (...) на чистом воздухе, то – десять» (там же). Рассказчик утверждает, что Мулла знал, что такое «чистый воздух» лагеря, и подробно объясняет, при каких обстоятельствах жизнь заключенного можно продлить:

В лагере для того, чтобы здоровый молодой человек, начав свою карьеру в золотом забое на чистом зимнем воздухе, превратился в доходягу, нужен срок по меньшей мере от двадцати до тридцати дней при шестнадцатичасовом рабочем дне, без выходных, при систематическом голоде, рваной одежде и ночевке в шестидесятиградусный мороз в дырявой брезентовой палатке, побоях десятников, старост из блатарей, конвоя. Эти сроки многократно проверены. (там же)

Такое искажение смысла – один из главных приемов в «Колымских рассказах», несущий правду о жизни в лагерях. Представление о том, что нечто, имеющее

позитивное значение в ежедневной жизни (как свежий воздух, природа или баня), в лагерной жизни превращается в негативное, пронизывает весь сборник. Конечно, «плохой», холодный свежий воздух не является главным виновником короткой жизни и большого количества смертей заключенных, но в сочетании с условиями в лагере и тяжелой работой в негуманных условиях, холодный и резкий воздух, конечно, не помогает.

Когда заключенные путешествуют из тюрьмы в лагерь Колымы, вот как описывается не только разница в воздухе, но и то, как воздух тундры влияет на дыхание и здоровье:

Здоровый деревенский воздух они оставили за морем. Здесь их окружал напитанный испарениями болот разреженный воздух тайги. Сопки были покрыты болотным покровом, и только лысины безлесных сопки сверкали голым известняком, отполированным бурями и ветрами. (...) Летом воздух был слишком тяжел для сердечников, зимой невыносим. В большие морозы люди прерывисто дышали. Никто здесь не бегал бегом, разве только самые молодые, и то не бегом, а как-то вприпрыжку. Тучи комаров облепляли лицо – без сетки было нельзя сделать шага. А на работе сетка душила, мешала дышать. Поднять же ее было нельзя из-за комаров. (там же: 77)

Приведенный отрывок хорошо иллюстрирует, что условия труда на Колыме нечеловеческие, даже если говорить только о погоде. А если учесть еще и тяжелый принудительный труд – просто чудо, что хоть кто-то пережил эти муки. В конце рассказа снова видим искажение смысла, поскольку заключенные мечтают оказаться в тюрьме, а не в лагере. В столь же юмористической, сколь и тревожной манере они даже заявляют, что некоторые аспекты тюрьмы лучше, чем их собственные дома:

Светлая, чистая, теплая следственная тюрьма, которую так недавно и так бесконечно давно они покинули, всем, неукоснительно всем казалась отсюда лучшим местом на земле. (...) Следственная тюрьма казалась им свободнее и родней родного дома, и не один говорил, размечтавшись на больничной койке, хотя оставалось жить немного: «Я бы хотел, конечно, повидать семью, уехать отсюда. Но еще больше мне хотелось бы попасть в камеру следственной тюрьмы

– там было еще лучше и интересней, чем дома. И я рассказал бы теперь всем новичкам, что такое «чистый воздух». (там же: 78)

Фраза «чистый воздух» использована в самом конце рассказа в очень ироничной манере, чтобы подтвердить безумство использования ее для описания воздуха Колымы. Она также использовалась или могла быть использована и в других рассказах. В рассказе «Тифозный карантин» встречается аналогичное выражение «на чистом воздухе», употребленное в своем первоначальном значении: «Ясно было, например, что нельзя выжить Андрееву. Прежнее здоровье утеряно бесследно, сломано навеки. (...) А для того, чтобы вернулась прежняя сила, нужен полный отдых, многомесячный, на чистом воздухе, в курортных условиях, с молоком, с шоколадом» (там же: 151). Смысл фразы здесь контрастирует с представлением о холодной, суровой Колыме и ее лагерях.

Холодный, чистый воздух Колымы – результат ее климата, но чистый воздух в данном контексте не является полностью негативным явлением, поскольку в природе тоже есть что-то положительное. «Чистый, свежий воздух» – это лишь одна часть гетерогенной системы, которая представляет собой ужас рабочих лагерей. Другие ее части – это потеря свободы, принудительный труд, нечеловеческие условия в лагерях: все это дело человеческих рук. Даже выбор Колымы как места для лагерей – воля человека. Природа не виновата, она только есть; не способна на добро и зло. Кроме того, природа была единственной частью ужасов лагерей, которая регулярно дарила заключенным что-то хорошее: летом можно найти ягоды, а деревья даже зимой дают возможность отдохнуть от хаоса лагеря, грязи, шума и присутствия других в лагерях. Во многих историях рассказчик и другие персонажи находят утешение или развлечение в лесу.

С другой стороны, единственная причина, по которой кто-то мог оказаться в природе Колымы, – это выполнение какой-то работы. Низкие температуры и природный рельеф постоянно усложняют завершение работы и поэтому она в таких условиях является особенно сложным испытанием, которое Шаламов описывает в своем рассказе «Сухим пайком». В этом тексте рассказчик вместе с тремя другими мужчинами отправляется в заброшенную хижину в лесу, и их единственная обязанность – срубить как можно больше деревьев, чтобы выполнить квоту. Обустроивая свое жилище, они включают привезенную с собой печь, что приводит к появлению следующего ольфакторного образа: «Мы поставили принесенную нами железную печку в избу и, хотя было лето, затопили ее. Теплый сухой воздух был необычайного, чудесного

аромата. Каждый из нас привык дышать кислым запахом поношенного платья, пота – еще хорошо, что слезы не имеют запаха» (там же: 33). Переход из лагеря в лес изменил их обонятельные восприятия в лучшую сторону, продемонстрировав успокаивающий и исцеляющий эффект, который оказывает на них лес. Но ольфакторный образ также имеет эмоциональную компоненту: все эти неприятные запахи пустяки по сравнению с тяжелыми эмоциональными состояниями, которые пронизывают жизнь в лагере.

Позже рассказчик говорит, что колымская земля обладает магическими свойствами, которые влияют на запах мертвых животных: «Чудесные свойства земли мы узнали позднее, когда ловили мышей, ворон, чаек, белок. Мясо любых животных теряет свой специфический запах, если его предварительно закапывать в землю» (там же: 34). Акт избавления мертвых животных от неприятного запаха, делающий их более привлекательными для употребления, воспринимается как акт магического милосердия со стороны матери-природы. Это *deus ex machina* в меньшем масштабе; она не решает главную проблему героев, но дает им надежду, что кто-то или что-то все еще заботится о них в этом суровом мире. Если природа Колымы, такая жестокая, неумолимая и бесчувственная, способна на такое милосердие, им нужно не терять надежду, а искать возможности для спасения.

Одно из самых четких описаний того, что происходит, когда человек дышит свежим воздухом Колымы, содержится в рассказе «Плотники». Заключенные используют дыхание как инструмент, который помогает определить мерзлоту дня:

Градусника рабочим не показывали, да это было и не нужно – выходить на работу приходилось в любые градусы. К тому же старожилы почти точно определяли мороз без градусника: если стоит морозный туман, значит, на улице сорок градусов ниже нуля; если воздух при дыхании выходит с шумом, но дышать еще не трудно – значит, сорок пять градусов; если дыхание шумно и заметна одышка – пятьдесят градусов. Свыше пятидесяти пяти градусов – плевки замерзают на лету. Плевки замерзали на лету уже две недели. (там же: 13)

В этом отрывке показано, что единственным способом измерения температуры в экстремальных условиях Колымы является тело, взаимодействующее с окружающей средой. Хотя фраза «на свежем воздухе» здесь не используется, разница между представлением о ней и реальностью на Колыме весьма ощутима. В то время, как словосочетание обычно означает положительное влияние на здоровье человека, здесь

заклученные – именно сохраненному способу дыхания – определяют, насколько холоден или, лучше сказать, опасен для их здоровья сегодняшний воздух. В этом и заключается смысл и воздействие свежего колымского воздуха.

Болезнь как дар жизни: искажение ценностей в лагерях

Дыхание и болезнь обычно связаны с респираторным здоровьем, но в «Колымских рассказах» они связаны и другими способами. Начнем с очевидного: в холодных и суровых условиях при недостатке пищи болезнь неизбежна. И шахты, которые, как известно, плохо влияют на здоровье, не помогали. Дыхание – физиологический акт, объединяющий всех людей в мире поскольку все люди равны, когда речь идет о необходимости дышать. Даже в лагерях все люди – охранники, командиры, врачи и заключенные – все они нуждаются в дыхании. Но из-за природы лагеря, из-за его иерархии и ужасных условий, в которых оказались заключенные, дышать им предстояло в совершенно иных условиях, чем их начальству: в шахтах и на суровом холоде. Даже когда они делали что-то столь универсальное и необходимое для человека, как дыхание, это напоминало им об их дегуманизации. Другие базовые человеческие потребности, такие как еда или принятие ванны, имели тот же эффект, так что в лагерях все перевернуто с ног на голову.

Мир лагеря не похож на нашу реальность в том смысле, что многие правила и неоспоримые истины, которые мы считаем само собой разумеющимися в ежедневной жизни, оказываются искаженными в пространстве лагеря. Ценности нашего мира искажаются, и иногда то, что представляет собой положительную ценность в нашем мире, переворачивается наизнанку в мире лагеря – и наоборот. Мир лагеря переворачивает все с ног на голову, ведь лагерь является изнанкой нашего мира. Один из многих примеров такой деформации – отношение к болезням поскольку серьезное заболевание в лагере – хорошее событие, потому что заключенному дает время спасти свою жизнь. Если лагерник заболеет настолько, что ему потребуется госпитализация, его освободят от принудительной работы, впоследствии чего он получит лучшее питание и место для сна, чем в бараках с остальными каторжными. Пример такого хода мыслей можно увидеть в рассказе «Хлеб»: «Студились уже тысячу раз, и притом самое грозное, что могло случиться, – воспаление легких, скажем, – привело бы в желанную больницу» (там же: 65). Больница – это своего рода убежище, спасение от реальности арестанта в лагерях. Более того, создается впечатление, что заболеть одним из самых

серьезных заболеваний дыхательной системы (даже если оно может привести к смерти) – это лучшее, что может случиться с человеком в таких жестоких условиях, поскольку у человека больше шансов выжить в суровых лагерях, если он заболеет и получит возможность отдохнуть от каторжной работы и накормить свой организм.

Больницы в «Колымских рассказах» описываются очень плотски: они включают запахи, крики и голоса больных. Это хорошо иллюстрирует цитата из рассказа «Тифозный карантин»: «На Андреева пахло запахом грязного тела, лежалых вещей, кислым человеческим потом. Смутный гул человеческих голосов наполнял эту огромную коробку» (там же: 147). Несмотря на поверхностно отрицательные описания больниц, эти помещения все-таки сохранили что-то человеческое, почти теплое по сравнению с описаниями общими комнатами лагерей, где люди лишены всякой надежды, поскольку они полностью оставлены наедине с собственным отчаянием. Несмотря на то, что люди в больнице больны, воняют, потеют и шумят, чихают, храпят и истекают кровью, они, по крайней мере, находятся в более безопасном месте, в месте надежды, в месте, где им может стать лучше.

Привлекательность и безопасность больницы могут заставить человека специально нанести себе увечья или притвориться больным. В многих рассказах находятся упоминания о других болезнях и телесных повреждениях, которые герои пытаются нанести себе сами или мечтают о них, желая избежать ужасной работы. Например, в рассказе «Кусок мяса» Голубов принес «кровавую жертву, (...) Кусок мяса вырезан из его тела и брошен к ногам всемогущего бога лагерей. Чтобы умиловать бога. Умиловать или обмануть?» (там же: 260). Кусок мяса – слепая кишка; Голубов притворился что ему нужна срочная операция аппендикса.

Эта идея пришла ему в голову за полгода до этого, когда один из хирургов сказал, что от верной смерти в каторжном лагере можно спастись, если бы у человека был приступ аппендицита. Он сказал это в компании Голубева, пока они оба смотрели на грузовик, который вез его друга на шахты. Идея притвориться, что у него лопнул аппендикс, в тексте обрамлена конкретным визуальным и ольфакторным образом:

Хирург прощался со своим другом – того увозили. (...) А Голубев стоял рядом с хирургом. И когда машина уползла, поднимая облака пыли, и скрылась в горном ущелье, хирург сказал, глядя в глаза Голубева, сказал про своего друга, уехавшего на смерть: «Сам виноват. Приступ острого аппендицита – и остался бы здесь». Голубев хорошо запомнил эти слова. Запомнил не мысль, не суждение.

Это было зрительное воспоминание: твердые глаза хирурга, мощные облака пыли... (там же: 261)

Хирург просто сказал случайное, небрежное замечание, оплакивая гибель своего друга. Тем не менее, эти слова оставили большой след в памяти Голубева. Когда пришла очередь Голубова отправиться в каторжный лагерь, он последовал непреднамеренному совету хирурга, решая притвориться, что серьезно заболел:

Но Голубев не пошел на вахту. Держась обеими руками за правую половину живота, он застонал, заковылял в сторону санчасти.

На крыльцо вышел хирург, тот самый хирург, и что-то отразилось в его глазах, какое-то воспоминание. Может быть, пыльное облако, скрывающее автомашину, увозившую навсегда друга хирурга. (там же: 262)

Очевидно, что хирург вспомнил их короткий разговор и облака пыли, которые служат напоминанием об их разговоре. Запахи вызывают воспоминания сильнее, чем другие органы чувств – этот способ воспоминания прошлого с помощью запаха уже был увековечен Прустом и его медлен печеньем и чаем в романе «В поисках утраченного времени».

Еще один пример, указывающий на то, что в мире лагеря обращение в больницу спасает главному герою жизнь, находится в рассказе «Тифозный карантин». В лагерях свирепствует эпидемия тифа, и врачи заставили главного героя отправиться в карантин. Эта сцена представлена как второй шанс на жизнь: доктор Лидия Ивановна буквально вдыхает жизнь в главного героя, дыша на печать его обновленной медицинской карты, что значительно приближает его к выживанию в шахтах и к выживанию приговора, поскольку дает ему возможность избежать тяжелый принудительный физический труд: «Лидия Ивановна подышала на фиолетовую печать и с силой, обеими руками прижала ее к типографскому какому-то бланку. Она вписала туда несколько слов, и Андреева увели» (там же: 147). Хотя Андреев знает, что на шахтах никому нет дела до медицинских карт, эта милость – все, что ему нужно, чтобы продолжать бороться за свою жизнь: «Он видел, что фиолетовый оттиск, который сделан на какой-то бумаге руками Лидии Ивановны, оттиск трех букв: ЛФТ – легкий физический труд. Андреев знал, что на эти метки не обращают внимания на приисках, но здесь, в центре, он собирался извлечь из них все, что можно» (там же: 150).

Этот отрывок – один из самых поэтичных вариантов использования связи между дыханием и здоровьем в сборнике, поскольку Лидия Ивановна подобна Богу или ангелу, дающий заключенному еще один шанс на жизнь. К теме связи Бога и дыхания мы еще вернемся в одной из следующих глав, но в данный момент хочется только обратить внимание на то, что дыхание много раз выступало в качестве проводника для (кратковременного) спасения жизни какого-то персонажа: иногда персонаж заболел респираторной инфекцией, иногда вспомнил трюк с помощью обоняния, иногда его жизнь спас медик, который благословил его своим дыханием.

«Первый зуб» – история, созданная дыханием

Первая часть рассказа «Первый зуб» окутана и подчинена дыханию, как мало какой другой рассказ. В начале произведения рассказчик находится на арестантском этапе, а в самом конце первого абзаца дыхание появляется в виде кашля: «Было утро, бодрящее апрельское утро, сумерки, редящая полутемнота монастырского двора, где строился, зевая и кашляя, наш этап для того, чтобы пуститься в дальнюю дорогу» (там же: 511). Долгий день заканчивается уже в следующем абзаце, когда арестанты находят приют на ночь в подвале соликамской милиции, в бывшем монастыре. Хронотоп бывшего монастыря навевает атмосферу мистики, которую дополнительно усиливает погода (поскольку очень холодно, снежно и ветрено), и внутреннее убранство подвала – «огромные ледяные своды». Рассказчику посчастливилось одним из первых попасть в подвал; у него было преимущество при выборе места для ночлега, но его первый выбор оказался неудачным: «Я входил в подвал одним из первых, мог выбрать место потеплее. Огромные ледяные своды пугали меня, и я – неопытный юнец – искал глазами подобие печки, хотя бы такой, как у Фигнер, у Морозова. И ничего не находил» (там же: 511).

Холод от недавнего путешествия по ледяной и снежной Колыме заставил его искать тепла, но он не видел всей картины: сейчас, когда он вошел одним из первых, подвал выглядел просторным и холодным. Но после входа остальных арестантов, в нем все равно станет тепло – и очень душно, потому что все начали дышать в одном общем пространстве. В такой обстановке нужно отдать предпочтение чистому, свежему воздуху; нужно отдать предпочтение дыханию. Рассказчик этого не знал, поскольку он новичок – в самом начале намекается, что это его первый арестантский этап, – но, к счастью, важность дыхания знакома его неожиданному защитнику:

Но мой случайный товарищ, товарищ только на эту краткую минуту входа в тюремный, церковный подвал – невысокий блатарь Гусев, толкнул меня к самой стене, к единственному окну, закрытому решетками, с двойным стеклом. Окно было полукруглым и начиналось от самого пола этого подвала, с метр высотой, и было похоже на бойницу. Я было хотел выбрать другое место потеплей, но толпа людей лилась и лилась в узкую дверь, и вернуться назад не было никакой возможности. Гусев столь же спокойно, не говоря мне ни слова, ударил носком сапога в стекло, разбив сначала первую, а потом и вторую раму. В пробитое отверстие хлынул холодный воздух, обжигая как кипятком. Охваченный струей этого воздуха, я, и без того намерзший долгим ожиданием и нескончаемым пересчетом на дворе, задрожал от холода. (там же: 512)

Этот отрывок замечательно демонстрирует процесс освоения чего-либо. Во-первых, оно начинается с очень странного поступка, в котором и рассказчик, и читатель не видят логики: Гусев, по только ему известным причинам, толкнул рассказчика к единственному в комнате окну, подальше от тепла печей. Рассказчик хочет отойти от окна, но не может, потому что рой входящих людей слишком силен: обстоятельства заставляют рассказчика оставаться и разгадать тайну Гусева, даже если он этого не хочет. А затем наступает кульминация загадки: Гусев, не говоря ни слова, поглощенный таинством, разбивает окно, пропуская внутрь холодный воздух, от которого рассказчик пытается убежать! Рассказчик и читатель вероятно спрашивают себя прямо сейчас, зачем Гусев это сделал: неужели он сошел с ума?

Холодный воздух стал кульминацией этого маленького спектакля, после чего объяснение является неизбежностью: «Не сразу я понял всю мудрость Гусева – только мы из двухсот арестантов всю эту ночь дышали свежим воздухом. Люди были набиты, вбиты в подвал так, что нельзя было ни сесть, ни лечь, только стоять» (там же). Итак, вывод пьесы Гусева таков: ему и человеку, который был ближе всех к нему, когда он зашел в подвал, повезло насладиться свежим воздухом на ночь. Исход является простым, однако, он поданный в очень впечатляющей, живой, загадочной, и даже игривой манере, возвышающей всю первую часть этого рассказа. Для нашего анализа является особенно любопытным то, что в центре внимания помещены мотивы воздуха и дыхания.

Рассказчик продолжает описывать подвал после того, как все арестанты разместились в нем:

До половины стен подвал был в белом пару дыхания, нечистом, душном. Начались обмороки. Задыхавшиеся старались пробиться к двери, в которой была щель и был «волчок», глазок, пробовали дышать через этот глазок. Но стоявший снаружи часовой-конвоир время от времени тыкал штыком своей винтовки в глазок, и попытки вдохнуть свежий воздух через тюремный глазок были прекращены. Никаких фельдшеров, врачей к упавшим в обморок, ясное дело, не вызывали. Только мы с Гусевым продержались благополучно у разбитого мудрым Гусевым стекла. Строились долго... (там же)

Здесь становится очевидным, что Гусев спас свежего героя от огромной, колоссальной ошибки, поскольку воздух стал настолько душным, что некоторые лагерники потеряли сознание. Более того, важность свежего воздуха подчеркивается также тем, что он является более востребованным при поиске места для ночлега, даже выше тепла. Вот как важен чистый воздух, когда в спальном помещении столько людей, что сесть или лечь – невозможно; возможно только стоять. Когда ночь закончилась, Гусев и рассказчик получили возможность увидеть потолок монастыря без душного воздуха и тумана, застилающего его: «Мы выходили последними, туман рассеялся, и открылся потолок, сводчатый потолок, тюремное и церковное небо было совсем близко – рукой подать» (там же).

Стоит также отметить, что в христианской традиции Бог, дыхание и жизнь тесно связаны между собой: дыхание считается образом, который связывает «Бога с сотворенным человечеством (...) При сотворении Адама „создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою“» (Быт.2: 7). Поскольку арестанты провели ночь в бывшем монастыре, а предыдущую ночь – в церкви, этот эпизод возможно рассматривать как божественное вмешательство, которое спасло рассказчика от неблагоприятных условий для дыхания. В том числе Гусев выступает своеобразным «богом из машины» (*deus ex machina*) поскольку обеспечил героя чистым воздухом, чтобы позаботиться о его респираторном здоровье. Покидая церковь, рассказчик даже находит надпись от бывшего заключенного, которую также можно прочитать как послание от бога или какой-то другой фантастической силы: «И на сводах подвала Соликамской милиции я нашел письма, сделанные простым углем огромными буквами по всему потолку: „Товарищи! В этой могиле мы умирали трое суток и все же не умерли. Крепитесь, товарищи!“» (Шаламов 2009: 512). В этом контексте также следует отметить, что Иисус провел три дня в своей пещере, прежде

чем воскрес: в сочетании с другой откровенно религиозной и христианской символикой в этом рассказе, кажется вероятным, что эта надпись может быть прочитана в нами предложенном ключе. Здесь дыхание перестает быть центром повествования, а центр тяжести значения рассказа перемещается на фантастические силы. Хотя центральной темой является изображение судьбы новичка, религия и религиозные, мистические элементы, проникающие в повседневность, являются неотделимой частью его судьбы. В этом контексте дыхание – только способ, элемент их проявления. Именно из-за фантастических элементов (и из-за конца истории, к которому мы вернемся позже) тон рассказа кажется немного более легким и игривым, чем у остальных историй в этом анализе, хотя в ходе действия герой рассказа сильно пострадает.

На следующую ночь мужчины стоят перед хижинами для ночлега, и здесь читатель знакомится с персонажем, который находится не в здравом уме:

Двести человек стояли, ожидая прихода начальника конвоя, а в левой стороне слышались какие-то крики, возня, пыхтение людей, рев, ругань и наконец явственный крик: „Драконы! Драконы!“ Перед арестантским строем выкинули на снег человека. Лицо его было разбито в кровь, нахлобученная на его голову чужой рукой шапка-папаха торчала и не могла прикрыть узкой, сочащейся кровью, раны. Человек был одет в коричневую ткань домашней работы – какой-нибудь украинец, хохол. Я знал его. Это был Петр Заяц, сектант. Его везли из Москвы в одном вагоне со мной. Он все молился, молился. (там же: 513)

Образ окровавленного Петра Зайца создан для того, чтобы вызвать чувство сожаления: он набожный человек, сошедший с ума, возможно в результате ареста. Очевидно, что конвоиры относятся к нему плохо и что он им доставляет неудобства, что нарушает «церемонию» входа в ночлег. Его религиозность также является еще одним весьма очевидным религиозным элементом в этой истории – он посланник Бога, как и Гусев.

Однако, возникает вопрос: какое послание передает Заяцев рассказчику? Он заставляет рассказчика пожалеть его и вступить за него, когда охранники продолжают издеваться над ним:

И вдруг я почувствовал, как сердцу стало обжигающе горячо. Я вдруг понял, что все, вся моя жизнь решится сейчас. И если я не сделаю чего, а чего именно, я не

знаю и сам, то, значит, я зря приехал с этим этапом, зря прожил свои двадцать лет.

Обжигающий стыд за собственную трусость отхлынул с моих щек – я почувствовал, как щеки стали холодными, а тело – легким.

Я вышел из строя и срывающимся голосом сказал:

– Не смейте бить человека. (там же)

Исследуя данную часть рассказа, надо иметь в виду, что рассказчик – новичок во всех испытаниях, связанных с арестом и лагерями (ему всего двадцать лет!). Он не знает, какое наказание его ждет, но он достаточно умен, чтобы понять, что он заплатит за этот поступок: «Сразу же ничего не произошло, рассказчик забрался в свою избу и лег спать: „Ложились вповалку, чтоб было теплее, (...) Заснул и я, размышляя о своем поступке. У меня не было старшего товарища, не было примера. Я был один в этом этапе, у меня не было ни друзей, ни товарищей“» (там же: 514). Но потом его разбудили конвоиры и вывели наружу (благодаря тому, что другие заключенные подтвердили его идентичность), заставили раздеться на морозе, а затем начали избивать. В результате он потерял зуб, что и вошло в заглавие рассказа. В конце ночи он находит новое место для ночлега и обнимает своих вонючих собратьев: «Я обнял руками грязные и вонючие тела товарищей и заснул. Заснул. Я даже не простудился» (там же).

Рассказ заканчивается вполне метафизически: читателя внезапно вырывают из мира Колымы и переносят в разговор другого рассказчика с его предполагаемым другом, писателем-новичком Сазоновым. Они обсуждают другие возможные концовки истории, поскольку другому рассказчику не нравится первоначальная. Такой поворот событий – довольно неожиданный и подчеркивает фиктивный, вымышленный, неестественный характер этого рассказа. Выдуманность первоначальной истории в обрамлении этой более крупной истории позволяет поверить в то, что все фантастические, религиозные элементы были не случайным совпадением, а плодом творческой обработки писателя. Религиозные элементы, надпись на стене, сектант и религиозный подтекст дыхания – кажется, что все они – сознательный выбор автора фиктивной, «меньшей», «обрамленной» истории.

Курение в «Колымских рассказах»

Курение является одним из часто встречаемых действий в сборнике. Более того, курение и сигареты вездесущи в «Колымских рассказах», поскольку почти в каждом рассказе существуют упоминания о курении и окурках, о людях, выходящих на улицу покурить, торгующих сигаретами или продающих их, и, самое важное, о людях, просящих сигареты. В рассказе «Хлеб» кочегар, обслуживающий печь в пекарне, даже курит пока кушает хлеб. С точки зрения XXI века это может показаться отталкивающим и сенсационным, но в первой половине XX века репутация курения была совершенно иной, чем в сегодняшнее время. Как сказал Хилтон, «Первая половина XX века была золотым веком сигарет. В 1950 году около половины жителей промышленно развитых стран курили (...)» (Rose 2024).

Как связаны дыхание и курение? В общем, курение связано с дыханием так же неразрывно, как и жизнь, при чем, однако, курение является «продолжением» дыхания по мере того, как дыхание «продолжает» жизнь. Каждый раз, когда кто-то просит сигарету, зажигает сигарету или буквально курит, возникает визуальный и слуховой образ человека, наслаждающегося сигаретой, вдыхающего и выдыхающего дым из своего тела. В «Колымских рассказах» курение – занятие и социальное, и одиночное. Помимо описания людей, которые курят, с курением связаны два основных принципа: жажда сигарет и процесс их получения. Последний интереснее, поскольку он незаметно пронизывает весь сборник и раскрывает социальную динамику в лагерях. Попросить сигарету – вполне нормальный и повседневный поступок, но нагруженный различными социальными значениями. Богданов отметил, что: «Стоит подчеркнуть, что поведенческое и риторическое тиражирование метафор курения и прикуривания выражается в социальном дискурсе и самой практике социальной коммуникации. Уже обращение с просьбой прикурить – своего рода пароль, удостоверяющий общепринятую структуру социальной коммуникации» (Богданов 2001). Значение этого действия зависит от социального положения спрашивающего, его тона, обстоятельств разговора, настроения спрашиваемого, его социального положения и т. д. Иногда этот поступок в некоторой степени противоречит гласным и негласным правилам поведения в лагере. Рассмотрим отрывок из рассказа «Плотники»:

– Если так будем идти, – прохрипел он, – мы и к обеду не придем. Вот что. Я пойду вперед, а вы приходите в столярную мастерскую к прорабу Сергееву. Знаете, где столярная мастерская?

– Знаем, знаем! – закричал Григорьев. – Угостите закурить, пожалуйста.

– Знакомая просьба, – сквозь зубы пробормотал человек в оленьей шапке и, не вынимая коробки из кармана, вытащил две папиросы. (Шаламов 2009: 15)

Здесь происходит сложное социальное общение: человек, отдающий приказы, занимает властное положение по отношению к Григорьеву и Поташникову, его коллеге на этот день. Однако, когда он заканчивает отдавать распоряжения, Григорьев отвечает отрывистым тоном и просит сигареты. Человека в шапке это раздражает при чем остается непонятным, раздражает ли его вопрос или тон Григорьева. Во всяком случае, он даже отмечает, что это «знакомая просьба»: очевидно, что многие заключенные просят сигареты. Несмотря на все это, он все равно потакает Григорьеву. Этот отрывок иллюстрирует, что попросить сигарету – невежливый поступок, при чем грубость все равно вознаграждается. Из всего, что мы знаем о лагерях до сих пор, можно сделать вывод, что излишняя грубость, наглость или мужественность регулярно наказываются. Почему же грубая просьба о сигарете не имеет никаких последствий? Находится ли такое поведение в другой сфере социальных взаимодействий, выходящей за границы лагерей?

Чтобы ответить на эти вопросы, приведем еще одно взаимодействие, которое также заканчивается просьбой о сигарете, из рассказа «Тифозный карантин». На этот раз это происходит между двумя людьми равного социального положения, двумя заключенными, которых вместе перевозят в грузовике:

– Куда мы едем? – спросил Андреев, ухватив чье-то плечо.

– На Атке, на двести восьмом будем ночевать.

– А дальше?

– Не знаю... Дай закурить. (там же: 163)

Этот разговор проходит в более спокойном тоне. Действия, связанные с просьбой о сигарете, могут быть истолкованы двояко. С одной стороны, этот акт ощущается как естественное и ожидаемое продолжение разговора. Вопрос создает впечатление, что, если два человека завязывают разговор в лагере о чем-либо, социально приемлемо, что

в какой-то момент один из них попросит у другого сигарету. Во-вторых, просьба – это обмен товарами: если заключенному нужна информация, он должен дать что-то взамен. С другой стороны, дать, подарить кому-то сигарету – это акт сочувствия, доброй воли. Кобрин отмечает, что «На войне и в условиях тяжелого физического труда табак считался символом дружбы, братства, товарищества, мужества, сплоченности рядов, но вовсе не лекарством от голода, холода и даже одиночества» (Кобрин 2016). Сигарета – это подарок за чей-то тяжелый труд или жест сочувствия. Богданов предупреждает нас, что «Не имеющий сигарет – не имеет в данном случае прежде всего социального веса, он либо маргинал, либо опозоренный изгой» (Богданов 2001). Но заключенные на Колыме по умолчанию уже именно такие; им нечего терять, попросив сигарету. Даже окурки – это нечто достойное желаний, и люди собирают их, чтобы потом выкурить. У Феде, персонажа из рассказа «Сухим пайком», даже есть специальный карман для их хранения: «Вырванный внутренний карман бушлата служил Феде кисетом, куда бережно складывались найденные окурки» (Шаламов 2009: 30). В этом контексте интересно посмотреть рассказ «Хлеб», в котором пекарь, перед тяжелой работой, с радостью угощает главного героя и его коллегу сигаретами и отдыхом:

– Отдохните, ребята, – весело и отнюдь не насмешливо сказал проходивший мимо пекарь, и мы покорно сели отдыхать. Мастер прошел мимо, но ничего нам не сказал. (...)

– Покурите, ребята, – сказал тот же пекарь, снова появляясь.

– Табаку нету.

– Ну, я вам дам по сигарочке. Только надо выйти. Курить здесь нельзя.

Мы поделили махорку, и каждый закурил свою папиросу – роскошь, давно забытая. Я сделал несколько медленных затяжек, бережно потушил пальцем папиросу, завернул ее в бумажку и спрятал за пазуху.

– Правильно, – сказал веснушчатый парень. – А я и не подумал. (там же: 68)

Как видно из приведенной цитаты, пекарь относится к заключенным с уважением и гостеприимством; кажется, что он понимает и сочувствует им. Рассказчик не выкуривает сигарету полностью: он оставляет ее на потом. Сигарета дает ему небольшую передышку от ужасов лагерей, и он вспоминает лучшие, прошлые времена. Кроме того, сигарета узаконивает отдых: ведь перекур – неоспоримое право каждого человека, поскольку что курящий человек уже занят.

Курение – это занятие, которое происходит в те «тихие» моменты, когда ничего не происходит: когда есть перерыв между обязательствами или просто ожидание новых приказов, охранники и другие начальники наверняка курят. В рассказе «Хлеб» видно, что заключенные обычно такой роскоши не имеют: «засунув руки в рукава, топтались, подставляя спины пронизывающему ветру. Конвоиры, отойдя в сторону, закуривали» (там же: 66). Богданов уточняет, что «Право курить привычно понимается как право на личную свободу и частную жизнь (...) Томас Карлейль когда-то писал, что курение позволяет молчать при других людях: это тот случай, когда никто не обязан говорить более того, что он хочет и может сказать по существу. Предполагается, что курение не терпит пустых разговоров» (Богданов 2001). В данном случае сигарета – символ свободы и сохранения индивидуальной личности, поскольку акцентирует разные иерархические положения конвоира и заключенных: в то время как конвоиры имеют право на личную свободу и могут прикурить сигарету в подобной ситуации, ситуации безделья, заключенные эти права не имеют.

Идея перекура также важна для любой рабочей обстановки, и в лагерях она тоже соблюдается. В рассказе «Сухим пайком» подробно описывается культура перекура и курения в лагерях:

Перекур – это самый обыкновенный отдых, отдых для некурящих, ибо махорки у нас не один год не было, а перекуры были. В тайге любители курения собирали и сушили листья черной смородины, и были целые дискуссии, по-арестантски страстные, на тему: брусничный или смородинный лист вкуснее. Ни тот, ни другой никуда не годился, по мнению знатоков, ибо организм требовал никотинного яда, а не дыма, и обмануть клетки мозга таким простым способом было нельзя. Но для перекуров-отдыхов смородинный лист годился, ибо в лагере слово «отдых» во время работы слишком одиозно и идет вразрез с теми основными правилами производственной морали, которые воспитываются на Дальнем Севере. Отдыхать через каждый час – это вызов, это и преступление, но ежечасная перекурка – в порядке вещей. Так и здесь, как и во всем на Севере, явления не совпадали с правилами. Сушеный смородинный лист был естественным камуфляжем. (Шаламов 2009: 39)

Символическое значение перекура в том, что перекур – это больше, чем просто курение табака, поскольку небольшой перерыв в смене представляет собой возможность оставаться самим собой, т. е. соблюдать свою идентичность во время работы.

Сигареты – это роскошь, связь с нормальной жизнью. Сигареты – своеобразная валюта: что-то, что каждый хочет иметь, получить или потреблять. Экономика лагерей строится на логике товарного обмена, при чем сигареты были высоко ценным товаром. Иногда их давали в качестве оплаты выполнения различных заданий. Богданов отмечает, что «Выступая признаком „всеобщего“ – и потому общеобязательного – быта, курение наделяется в данном случае самыми различными символическими функциями. Так, например, табак может выступать в функции своеобразной „валюты“, денег, удостоверяя в этом качестве часто тоже не более чем символическую, но при этом психологически и социально важную репутацию своего владельца» (Богданов 2001). Экономическая ценность курения и сигарет хорошо иллюстрирована в рассказе «Тифозный карантин», при чем рассказчик перечисляет другие альтернативные лагерные валюты: «А плата была щедрая – махорка, суп и каша, хлеб и сахар. (...) Валютные вопросы – самая сложная теоретическая область экономики. И в лагере валютные вопросы сложны, эталоны удивительны: чай, табак, хлеб – вот поддающиеся курсу ценности» (Шаламов 2009: 158). В этом же рассказе описывается очень своеобразная, даже потешная динамика распределения труда, которую можно назвать примером «просачивающейся лагерной экономики»:

Очевидно, дневальному казалось зазорным мыть самому полы – хотя бы и пять минут в день, когда он в силах нанять себе работягу. Это свойство, присущее русским людям, Андреев наблюдал и на прииске. Даст начальник на уборку барака дневальному горсть махорки: половину махорки дневальный высыплет в свой кисет, а за половину наймет дневального из барака пятьдесят восьмой статьи. Тот, в свою очередь, переполовинит махорку и наймет работягу из своего барака за две папиросы махорочных. И вот работяга, отработав двенадцать – четырнадцать часов в смену, моет полы ночью за эти две папиросы. (там же)

В этом примере привлекает внимание то, что первоначальное количество махорки делится пополам столько раз, сколько нужно, чтобы найти человека, готового выполнить эту омерзительную работу. Он даже благодарен, поскольку «ведь на табак он выменяет хлеб» (там же). Это не редкое явление, предназначенное только для лагерей.

В своем тексте Богданов в качестве примера широкого распространения и значимости табака пишет, что «уже во времена В. И. Даля дублируются пословицы: „Дружба дружбой, а денежки врозь“ – „Все вместе, а табак – пополам“, „Хлеб соль вместе, а табачек пополам“» (Богданов 2001). Событие, описанное в рассказе, можно рассматривать как разворачивание этих пословиц.

Помимо связи еды и сигареты в качестве валюты, еще одно сходство привлекает внимание. Известно, что курение подавляет чувство голода, которое является лишь одной из телесных болей, ежедневно мучающих заключенных. С этой точки зрения попросить сигарету приобретает еще более мрачный смысл.

В общем, визуальные образы курящих людей или ситуаций, связанных с курением, можно найти повсюду в «Колымских рассказах». Этот анализ – лишь попытка понять хотя бы часть символики и значения курения на Колыме.

Колыма как место последнего дыхания

Дыхание обладает каким-то мистическим, магическим и сверхъестественным качеством и часто связывается с жизненной энергией, душой, или другими инородными явлениями. Понятия дыхания и души всегда были связаны в коллективном сознании, поскольку дыхание – это символ души, жизненной силы, самой жизни человека. Еще философы Древней Греции знали понятие «пневма», которое связывало эти два термина: «Пневма. — У перипатетиков П. (дыхание) считалась физиологическим основанием психической деятельности. Филон признавал П. посредствующим принципом между Богом (духом) и миром (материей). Отсюда у гностиков пневматиками назывались люди, находящиеся под властью божественной П., в противоположность людям, находящимся под властью материи (ὄλη) или чувственной души (ψυχή)» (Пневма).

Как раньше уже отмечено, в Библии связь между дыханием, душой и Богом также очень очевидна. В «Словаре библейских образов» объясняется, что:

Дыхание – образ, связывающий Бога с сотворенным человечеством (...) При сотворении Адама „создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою“» (Быт.2: 7). Дыхание человека, приравняемое к Божьему дыханию, показывается необходимым условием жизни, божественной искрой и Божьим даром (Иов.27: 3). В

потребности дышать выражается образ полной зависимости от Бога.
(Райкен 2005).

Есть также пример из жизни Иисуса: «Воскресший Христос дунул на учеников и сказал: „Примите Духа Святого“» (Ин.20: 22)» (цит. по там же). В общем, можно с уверенностью сказать, что связь между дыханием, богом, душой и жизнью была хорошо известна с древних времен.

Современный философ Рольф Элберфельд связь, которую дыхание устанавливает между телом и душой человека, описывает следующим образом: «При более пристальном рассмотрении наше дыхание подрывает различие между физиологией и психологией, между телом и душой. При дыхании смысл превращается в физический перформанс, а физический перформанс – в смысл» (Elberfeld 2018: 70). Философ Джонс Ирвин тоже настаивает на том, что дыхание представляет собой самую крепкую связь между телом и душой поскольку «Наши тела, само наше дыхание, сами источники „жизненной силы“ (...) эти тела также можно „вдохновить“ или „одухотворить“» (Irwin 2018: 171).

Кроме того, в русском языке слова «душа», «дыхание» и «дух» имеют общий корень (*Этимологические онлайн-словари русского языка*), и наконец, в русском языке для обозначения смерти часто пользуются эвфемизмы: «испустить дух» или «испустить последний вздох» находятся в группе эвфемизмов, которые «связаны с физиологическим концом жизни (...)» (Шибо 2024). Существует и идиома «до последнего дыхания», которая имеет то же значение, что и «до конца жизни» (*Грамота, Дыхание*), а в данном контексте важным является и глагол «издохнуть», обозначающий умереть. «Дыхание жизни» также может быть связано с понятием «дыхание природы», которое великолепно описано Шаламовым в рассказе «Сухим пайком»: «Конечно, это была земля здешняя, в которой было больше камня, чем земли. Но и на этой каменистой, оледенелой почве выросли густые леса огромных лиственниц со стволами в три обхвата – такова была сила жизни деревьев, великий назидательный пример, который показывала нам природа» (Шаламов 2009: 33).

Учитывая столь тесную связь между дыханием и жизнью, не будет лишним найти в рассказах моменты, когда жизнь и дыхание останавливаются: ведь если дыхание обозначает жизнь, то смерть должна обозначать, что последнее дыхание уже совершено. Поэтому, когда в тексте кто-то умирает, мы можем предположить, что он «испустил последний вздох» поскольку смерть подразумевает окончание дыхания.

На Колыме многие люди испустили свой последний вздох, поскольку «Колымские рассказы» переполнены смертью. Как только заключенного приговаривают к лагерям, он получает клеймо смерти; от того момента он предназначен для смерти. Пережить приговор маловероятно, а если и удастся, то воспоминания о смерти будут преследовать вечно: «Мы все понимали, что выжить можно только случайно. (...) Мы были отравлены Севером навсегда, и мы это понимали» (там же: 38). Те же самые эмоции выражены в рассказе «Тифозный карантин». В лагерях из-за жестких условий люди умирали все время и, как правило, не очень торжественно: смерть в лагерях не является чем-то необычным и неожиданным. Смерть в лагерных условиях – это что-то совсем обыкновенное, повседневное. В рассказе «Плотники» говорится, что «Сосед его умер вчера, просто умер, не проснулся, и никто не интересовался, отчего он умер, как будто причина смерти была лишь одна, хорошо известная всем» (там же: 14). Смерть человека настолько распространена, что наживаться на ней – забирать его одежду и прочее имущество – стало нормой. Конечно, люди, стоящие у власти, знают, как изменить правила в свою пользу, чтобы получить еще больше выгоды. В том же рассказе находится и следующая цитата: «Дневальный радовался, что смерть произошла не вечером, а утром – суточное довольствие умершего оставалось дневальному» (там же).

Среди заключенных есть поговорка, которая упоминается во многих рассказах, что в лагерях не стоит заглядывать далеко вперед, что прекрасно иллюстрирует цитата в рассказе «Сухим пайком»: «Мы давно стали фаталистами, мы не рассчитывали нашу жизнь далее как на день вперед» (там же: 37). Такой фаталистический подход к жизни и смерти, не заботясь о том, что происходит в «далеком» будущем, а думая лишь на несколько дней вперед, – следствие жестокой лагерной жизни. Создается впечатление, что в лагерях заключенные не распоряжаются своей жизнью – они «арендуют» ее у смерти, и платят вперед лишь за несколько дней. Это все, что они могут себе позволить, потому что платить больше было бы глупо, ведь никто не может гарантировать им безопасность. В мире вне лагеря думать вперед, строить планы на будущее и отказываться от сиюминутных удовольствий считается достоинством; здесь же приходится использовать каждое полученное сиюминутное удовольствие, потому что невозможно знать, когда получится еще одна возможность для наслаждения и получится ли она вообще. Смерть может наступить в любой момент.

В последней части работы мы сосредоточим свое внимание на рассказ «Последний бой майора Пугачева», поскольку не только, что в нем смерть и дыхание полностью переплетаются, а дыхание прослеживает изменение хода событий. Уже в

заглавии рассказа прилагательное «последний» в сочетании с существительным «бой» намекает на то, что майор Пугачев погибнет.

«Последний бой майора Пугачева» является одним из самых «кровавых» рассказов, поскольку описывает смерть большого количества людей. В рассказе говорится о попытке побега, предпринятой главным героем, майором Пугачевым. Он собрал команду из одиннадцать человек и разработал тщательный и продуманный план побега («И всю зиму плелась сеть этого, чуть не единственного за двадцать лет, заговора», там же: 288), который в итоге оказался бесполезным. Убийства были необходимой частью плана. Когда настал день побега, люди Пугачева приступили к действиям: первым делом нужно было раздобыть оружие, необходимое для побега, ведь как заключенные они не имели к нему доступа. Чтобы добраться до оружия, им пришлось сначала убить дежурного. Они сделали это ранним утром: «Дежурный зевнул и посмотрел на часы-ходики. Было пять часов утра. „Только пять“, – подумал дежурный» (там же). Смерть дежурного более тесно связана с дыханием: поскольку у мятежников не было оружия, их предпочтительным способом убийства было удушение:

Солдатов зашел за спину дежурного, снял с гвоздя ключ, положил его в карман и схватил дежурного сзади за горло. В ту же минуту дверь отворилась, и на вахту в дверь со стороны лагеря вошел Иващенко, механик. Иващенко помог Солдатову задушить надзирателя и затащить его труп за шкаф. Наган надзирателя Иващенко сунул себе в карман. В то окно, что наружу, было видно, как по тропе возвращается второй дежурный. Иващенко поспешно надел шинель убитого, фуражку, застегнул ремень и сел к столу, как надзиратель. Второй дежурный открыл дверь и шагнул в темную конуру вахты. В ту же минуту он был схвачен, задушен и брошен за шкаф. (там же: 289)

Итак, первые две жертвы восстания были удушены. Это также было самой первой задачей в их плане побега: дыхание буквально обозначило начало их побега. Удушение, тот очень агрессивный способ убийства, требующий близкого контакта с жертвой, определяется как «умертвить, убить кого-л., сжав, сдавив горло и остановив дыхание; задушить» (*Грамота, удушить*). Во время удушья жертвы обычно находятся в крайне тяжелом состоянии, борются за воздух и пытаются сопротивляться. Смерть от удушья также подразумевает, что дыхание прекратилось не потому, что человек умер, а потому, что причиной его смерти является отсутствие дыхания, поскольку смерть наступила в

результате препятствования процессу дыхания. В этом контексте является любопытным, что, когда жена одной из жертв становится свидетелем убийств, мятежники не хотят убивать ее, так как это не совсем подходящий способ смерти для женщин: «– Бабу не будем душить, – сказал Солдатов. И ее связали, затолкали полотенце в рот и положили в угол» (там же). Это лишь подтверждает, что удушье – очень страшный способ смерти.

После этого майор Пугачев присоединяется к своим товарищам, и они забирают у надзирателей форму и оружие. Они переодеваются, чтобы не вызывать подозрений, и это срабатывает в их пользу, так как их замечает очень мстительный дежурный: «“Это, наверное, Черненко, – не узнавая конвоира, подумал дежурный. – Обязательно напишу на него рапорт“». Дежурный был мастером склочных дел и не упустил бы возможности сделать кому-нибудь пакость на законном основании. Это было его последней мыслью. Дверь распахнулась, в казарму вбежали три солдата. Двое бросились к дверям спальни, а третий застрелил дежурного в упор» (там же). С этого момента мятежники используют для убийства огнестрельное оружие. Совершенно ясно, почему они предпочитают его удушению: это более быстрый и надежный способ, не требующий тесного контакта с жертвой. Тем не менее, удушение, вероятно, было самым быстрым и менее грязным способом избавиться от человека, когда у них не было оружия. Неизвестно, пощадили бы они женщину, будь у них с собой оружие с самого начала операции. Но Солдатов сказал: «Бабу не будем душить», а не «Бабу не будем убивать», поэтому можно предположить, что она не пережила бы их встречу, если бы у них было оружие.

Можно провести параллель между фразами «последняя мысль» и «последнее дыхание», поскольку обе обозначают конец чьей-то жизни. Дыхание и сердцебиение – это динамичные движения, которые являются признаками жизни, в отличие от неподвижности как признака смерти. Но мысли невидимы, они относятся к другой сфере человеческого присутствия. Люди не могут получить доступ к мыслям других людей, чтобы понять, живы ли они: им приходится обращаться к физическим свидетельствам. На это способны только вездесущие рассказчики и именно поэтому это выражение используется исключительно в художественных повествованиях. (Знаменитые последние слова – это, конечно, совсем другое явление.)

После удачного побега мятежники скрываются в лесу, где решают провести ночь: «Это была первая его ночь на свободе, первая вольная ночь после долгих месяцев и лет страшного крестного пути майора Пугачева» (там же: 291). Хотя в этом отрывке дыхание не упоминается, отрывок пронизан чувством облегчения, в нем царит атмосфера снятия напряжения, которое они испытывали в лагерях. Этот отрывок

резонирует с читателем, передавая чувство свободы, которое испытывает майор Пугачев. Но, к сожалению, это длится недолго.

На следующий день они идут по дикой природе и пытаются найти и похитить военный самолет, чтобы сбежать подальше от Колымы; их планам помешали солдаты, посланные за ними. К этому моменту они оказываются у русла ручья, и им приходится вернуться и взобраться, чтобы их не обнаружили. Именно в этот момент удача покидает их: «Тяжело дыша, они быстро поднимались по руслу ручья, и камни летели вниз, прямо в ноги атакующим, шурша и грохоча» (там же: 293). Именно фраза которая содержит глагол дышать, «тяжело дыша», отмечает момент в истории, когда их мятеж проваливается, когда они уже не смогут избежать смерти. Солдаты предупреждены об их присутствии, и, хотя мятежники решили разделиться, открытый бой неизбежен. Люди Пугачева один за другим испустили свое последнее дыхание:

Левицкий обернулся, выругался и упал. Пуля попала ему прямо в глаз.

Георгадзе остановился у большого камня, повернулся и очередью из автомата остановил поднимающихся по ущелью солдат, ненадолго – автомат его умолк, и стреляла только винтовка.

Хрусталева и майор Пугачев успели подняться много выше, на самый перевал.

– Иди один, – сказал Хрусталева майор, – постреляю.

Он бил не спеша каждого, кто показывался. Хрусталева вернулся, крича:

– Идут! – и упал. (там же)

Хрусталева был не единственным храбрецом среди них: все они достойно сопротивлялись. Позже в рассказе мы узнаем от генерала в лагере, что погибло двадцать восемь человек – неясно, то ли это число погибших солдат, то ли солдат и повстанцев вместе взятых. Единственным из «пугачевцев», кто выжил в том бою, кроме самого Пугачева, был Солдатов, потерявший сознание из-за удара по голове. Но он выжил только для того, чтобы предстать перед судом и быть казненным за восстание. В конце концов Пугачеву единственному удается сбежать. Он бежит до тех пор, пока не может больше бежать, и находит убежище в медвежьей пещере – присутствие которой было предзнаменовано, когда мятежники нашли в лесу медвежьи следы. Там, в медвежьей пещере, Пугачев решает, что лучше покончить с жизнью по своей воле, а не ждать, пока его найдут солдаты и их собаки. Он понимает, что не может сбежать и спастись. Перед смертью Пугачев вспоминает всех своих погибших товарищей:

Но лучше всех, достойнее всех были его одиннадцать умерших товарищей. Никто из тех, других людей его жизни не перенес так много разочарований, обмана, лжи. И в этом северном аду они нашли в себе силы поверить в него, Пугачева, и протянуть руки к свободе. И в бою умереть. Да, это были лучшие люди его жизни. (...) Майор Пугачев припомнил их всех – одного за другим – и улыбнулся каждому. Затем вложил в рот дуло пистолета и последний раз в жизни выстрелил. (там же: 297)

Последним выстрелом майора Пугачева рассказ, по сути, заканчивается, т. е. текст заканчивается вместе с его жизнью: пока он был жив, текст продолжал свое развитие, слова росли на страницах, а его смерть неожиданно и внезапно прекращает распространение слов. Когда его точка зрения становится недостижимой, когда его дыхание прекратилось, повествование разрушается само по себе. Этот рассказ показывает, что дыхание оказалось и спасителем, и палачом группы Пугачева; оно отмечает ключевые моменты в тексте, когда действие меняет направление, определяющее будущее заключенных. Это один из рассказов с самым большим количеством смертей, изображенных как отсутствие дыхания.

Заключение

Поскольку дыхание является бессознательной частью человеческой жизни, в литературных произведениях этот акт можно не заметить. Определить символическое значения дыхания, спрятанное под поверхностным уровнем текста, непросто, но, обнаружив его, любопытно увидеть разные направления, в которых растут его сорняки. Дыхание в тексте – это не только вдох и выдох: анализ выбранных рассказов Варлама Шаламова показывает, что дыхание в экстремальных условиях лагерной жизни приобретает разные формы и символические значения. Например, дыхание как болезнь заключенному дает шанс выбраться из шахт (по крайней мере на какое-то время); дыхание как фраза высмеивается опытными заключенными; дыхание – это то, что нужно иметь в виду, когда предстоит провести ночь в переполненном помещении; дыхание как курение – это многогранный акт, который имеет социальное значение в лагерях; на конец, отсутствие дыхания обозначает присутствие смерти.

Несомненно, в «Колымских рассказах» дыхание представляет собой значениями насыщенный мотив, который заслуживает пристального внимания. Чтобы найти в тексте дыхание, необходимо определить и анализировать мотивы, черты характера или действия, которые тесно связаны с этим физиологическим актом. Все, что связано с обонянием, воздействием различных веществ на легкие, кашлем, хрипами, храпом и другими респираторными звуками; курение и его статус в обществе, а также метафорическая и буквальная связь дыхания с жизнью, смертью и Богом – все это прекрасно поддается анализу. Невозможно не упустить некоторые оттенки значения этого явления в литературе (ведь дыхание вездесуще и может скрываться где угодно): даже во время написания этого заключения мое собственное дыхание ускользнуло от моего внимания. Вопрос о том, как наше дыхание изменяется под влиянием чтения или писания – еще одна интересная тема для анализа.

Литература

Богданов, Константин Анатольевич. 2001. *Право курить: к социальной истории курения в XX веке*. <https://www.booksite.ru/localtxt/pov/sed/nev/nost/11.htm>. Дата обращения: 25. 8. 2024.

Дыхание. Грамота.

[https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B4%D1%8B%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B4%D1%8B%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5&mode=slovari&dicts[]=42). Дата обращения: 31. 7. 2024.

Дыхание. Грамота.

<https://gramota.ru/meta/dykhanie>. Дата обращения: 31. 7. 2024.

Дышать. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера.

<https://lexicography.online/etymology/%D0%B4/%D0%B4%D1%8B%D1%88%D0%B0%D1%82%D1%8C>. Дата обращения: 23. 8. 2024.

Дух. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера.

<https://lexicography.online/etymology/%D0%B4/%D0%B4%D1%83%D1%85>. Дата обращения: 23. 8. 2024.

Душа. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. <https://lexicography.online/etymology/%D0%B4/%D0%B4%D1%83%D1%88%D0%B0>.

Дата обращения: 23. 8. 2024.

Федянина, Ольга. 2022. *Как расчеловечить за три недели: Путеводитель по аду Варлама Шаламова*. «Коммерсантъ», 1. 7. 2022.

<https://www.kommersant.ru/doc/5436100>. Дата обращения: 31. 7. 2024.

Кобрин, Кирилл. 2016. *Идеология и сигареты*.

<https://www.opendemocracy.net/ru/ideologija-cigarety/>. Дата обращения: 31. 7. 2024.

Пневма. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Пневма,_в_философии. Дата обращения: 25. 8. 2024.

Повешение. Грамота. <https://gramota.ru/meta/poveshenie>. Дата обращения: 31. 7. 2024.

Райкен, Лиланд; Уилхойт, Джеймс; Лонгман III, Тремпер. 2005. *Словарь библейских образов*. <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-biblejskih-obrazov/218>. Дата обращения: 25. 8. 2024.

Свежий. Грамота.

[https://gramota.ru/poisk?query=%D1%81%D0%B2%D0%B5%D0%B6%D0%B8%D0%B9&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D1%81%D0%B2%D0%B5%D0%B6%D0%B8%D0%B9&mode=slovari&dicts[]=42). Дата обращения: 31. 7. 2024.

Удушить. Грамота. <https://gramota.ru/meta/udushit>. Дата обращения: 31. 7. 2024.

Шаламов, Варлам. 2009. *Колымские рассказы*. Москва: Эксмо. («Плотники», с. 13–17; «Сухим пайком», с. 29–41; «Хлеб», с. 63–69; «Татарский мулла и чистый воздух», с. 74–79; «Тифозный карантин», с. 147–163; «Кусок мяса», с. 260–266; «Последний бой майора Пугачева», с. 286–297; «Первый зуб», с. 511–516).

Шаламов, Варлам. 1971. *О моей прозе*.

<https://shalamov.ru/library/21/61.html>. Дата обращения: 25. 8. 2024.

Шибо, Чжу. 2024. *Варианты эвфемизации слова «смерть» в русском языке*. <https://na-journal.ru/1-2024-filologiya-lingvistika/8253-varianty-evfemizacii-slova-smert-v-russkom-yazyke>. Дата обращения: 25. 8. 2024

Carel, Navi. 2018. *Invisible Suffering: The Experience of Breathlessness*. B: Škof, Lenart; Berndtson, Petri (ред.) *Atmospheres of Breathing*. New York: SUNY Press. C. 233–246.

Elberfeld, Rolf. 2018. *Aesthetics of Breathing. Some Reflections*. B: Škof, Lenart; Berndtson, Petri (ред.) *Atmospheres of Breathing*. New York: SUNY Press. C. 69–79.

Irwin, Jones. 2018. *Theater of Breath: An Artaud-Derrida Existential Conflict*. B: Škof, Lenart; Berndtson, Petri (ред.) *Atmospheres of Breathing*. New York: SUNY Press. C. 167–178.

Leder, Drew. 2018. *Breath as the Hinge of Dis-ease and Healing*. B: Škof, Lenart; Berndtson, Petri (ред.) *Atmospheres of Breathing*. New York: SUNY Press. C. 219–232.

Rose, Christine Ann; Hilton, Matthew J. 2024. *A Social and Cultural History of Smoking*. <https://www.britannica.com/topic/smoking-tobacco/A-social-and-cultural-history-of-smoking>. Дата обращения: 25. 8. 2024.

Sažetak

Budući da je disanje većinom nesvjestan aspekt ljudskog života, lako ga je zanemariti u svakodnevnom životu, a posebice u analizi književnih djela. Analiza odabranih priča Varlama Šalamova pokazuje da disanje u ekstremnim uvjetima logorskog života poprima različite oblike te zadobiva razna simbolička značenja. Disanje je više od pukog udisanja i izdisanja zraka. U svojoj smo analizi pozornost usmjerili na sljedeće aspekte povezane s disanjem: respiratorna bolest, odnosno “loše” disanje omogućava zatvoreniku barem na neko vrijeme izbjeći rudnik i naporan fizički rad u njemu; ideji okrepljujućeg čistog zraka prirode se ismijavaju iskusni zatvorenici koji dobro poznaju okrutnost kolymske prirode; u prepunoj sobi-prenočištu disanje i svježi zrak su nešto o čemu treba voditi računa kako bi se izbjeglo padanje u nesvijest; cigarete i pušenje su u logorima vječno aktualna tema koja ima i socijalni aspekt;

i, konačno, odsutnost disanja implicira prisutnost smrti. Bez sumnje, u *Pričama s Kolyme* disanje je veoma razgranat motiv koji zaslužuje da mu se posveti posebna pozornost.

Ključne riječi

disanje, dah, simbolika disanja, čisti zrak, bolest, pušenje, smrt, *Priče s Kolyme*

Ключевые слова

дыхание, вздох, символизм дыхания, свежий воздух, болезнь, курение, смерть, «Колымские рассказы»

Kratki životopis

Ema Marača rođena je 1996. godine u Splitu. Preddiplomske studije rusistike i komparatistike završava 2021. godine te iste godine upisuje diplomski. Od 2020. na Radio Studentu vodi i uređuje emisiju o teoriji književnosti i popularnoj kulturi Knjiški moljac. Od jeseni 2023. u Kulturno informativnom centru u Zagrebu vodi Seanse Knjiškog moljca uživo. Područja interesa su joj psihoanalitička teorija, posebno Lacan i njegova teorija žudnje; feminističko-marksistička kritika; kulturalni studiji; vampiri; svjetlo; te, od sada, i disanje.